

ГОДЪ XX. ЖИВАЯ СТАРИНА. 1911 Г.

Дм. Зеленинъ.

„ОБЫДЕННЫЯ“ ПОЛОТЕНЦА

И

ОБЫДЕННЫЕ ХРАМЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линия, № 12.

1911.

„Обыденныя“ полотенца и обыденные храмы.

(Русскіе народные обычай).

I. Обыденныя полотенца.

Распространеніе обряда. О значеніи слова «обыденный». 15 описаній обряда изъ разныхъ мѣстностей. Аналогичный мордовскій обрядъ и его отличія. Тѣсная связь христіанскаго обряда съ языческимъ. Элементы языческаго обряда: возженіе очистительнаго (или, б. м., жертвеннаго) огня, устройство воротъ, поглощающихъ заразу, и магическій обходъ. Двойственность обрядовыхъ представленій, лежащихъ въ основѣ обычая. Идея священной «обыденности» могла возникнуть изъ идеи чистоты и таинственности. Значеніе и происхожденіе таинственности въ русскомъ народномъ міровоззрѣніи. Обыденное полотенце, какъ талисманъ. Христіанизация обряда.

Недавно на страницахъ «Живой Старины» (1910, № 1—2, с. 16) былъ отмѣченъ Д. О. Святскимъ сѣвскій (Орловской губ.) обычай ткать, во время мора на скотъ, «обыденныя» полотенца. Сколько намъ извѣстно, это — единственное въ литературѣ упоминаніе о существованіи даннаго обычая у великоруссовъ, — и то, какъ видимъ, на самой границѣ съ бѣлоруссами. — Вообще же обычай этотъ можетъ быть названъ теперь исключительно бѣлорусскимъ. То обстоятельство, что отголоски этого обычая мы встрѣчаемъ у лукояновской (Нижегородской губ.) мордвы, не опровергаетъ еще сдѣланнаго нами замѣчанія: какъ увидимъ ниже, лукояновская мордва легко могла познакомиться съ обрядомъ отъ бѣлоруссовъ переселенцевъ.

Но языческій характеръ обряда говоритъ скорѣе въ пользу его общерусской древности. Равнымъ образомъ, старинный великорусскій обычай строить во время мора обыденные храмы нужно поставить въ тѣсную связь съ бѣлорусскимъ обычаемъ ткать въ тѣхъ же случаяхъ обыденныя полотенца. И на этихъ основаніяхъ разсматриваемый обычай нужно скорѣе признать общерусскимъ, только вымершимъ у великоруссовъ и малоруссовъ. Существованіе параллельнаго обряда «опахиванія» селеній могло способствовать такому вымиранію.

Ниже мы приведемъ 15 извѣстныхъ намъ сообщеній объ интересующемъ насъ обрядѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они имѣются въ нашихъ источникахъ. Предварительно же замѣтимъ, что слово обыденный не означаетъ въ данномъ случаѣ: «повседневный, обыкновенный, заурядный», въ какомъ значеніи оно употребляется те-

перь чаще въ нашемъ литературномъ языкѣ, а означаетъ: «однодневный, сдѣланный въ одинъ день или въ однѣ сутки». Въ народныхъ говорахъ употребительны выраженія въ родѣ: «обыденное сѣно», т. е. скошенное утромъ и подсохшее къ вечеру; съѣздить куда-либо обыденкой, т. е. въ одинъ день; управиться съ какою-либо работою обыдень. На сѣверо-востокѣ Европейской Россіи чаще говорятъ овидень (или даже оновидень) вмѣсто обыдень. Въ Вологдѣ, напримѣръ, построенную въ 1634-мъ году, во время морового повѣтрія, церковь часто называютъ: «Спасъ овиденный».

1. А. Е. Богдановичъ въ своей книжкѣ «Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлорусовъ» (Гродна, 1895) сообщаетъ объ интересующемъ насъ обычаѣ слѣдующее: «Другимъ (послѣ опаживанія) средствомъ противъ мора считается «однодневное полотенце».—Въ назначенный день, до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу, и каждая изъ нихъ приносить съ собою по горсти льна. Онѣ дружно, въ глубокомъ молчаніи, принимаются за работу: прядуть ленъ, снуютъ основу, ставятъ кросна и ткуть полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню и *обходятъ вокругъ* нея, причемъ дѣвушки, ткавшія полотно, несутъ его надъ головою съ заунывнымъ пѣніемъ: аю-га! Когда сдѣлають полный обходъ, то на томъ мѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ cadaго двора. Двѣ дѣвушки держатъ за концы полотно надъ огнемъ, а всѣ жители деревни переходятъ черезъ огонь *подъ полотномъ* и переносятъ дѣтей и больныхъ. Когда всѣ выполняютъ эту церемонію, — *полотно сжигаютъ* на томъ же огнѣ. — Все это должно быть продѣлано въ теченіе одного дня, съ восхода до захода солнца» (с. 168).

2. Въ Шерешевской волости Пружанскаго уѣзда Гродненской губ. «коли падаетъ отъ холеры скощина, то траба выткани ручника (утиральника), але такъ, кашъ за одну ночь килька бабъ и направи нитокъ и выткали изъ гѣтыхъ нитокъ гѣтого ручника. У тую-же ночь, якъ разсвѣтая, траба черезъ той ручникъ *перегнаши ўсю скощину* и товды — або зоўсиль перестане падаци скощины, або будзе падаци зоўсиль покрыс (попомножку)» (П. В. Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣв.-зап. края, т. III, с. 294).

3. Общая черта двухъ описанныхъ выше обрядовъ, между прочимъ, та, что въ нихъ совершенно отсутствуютъ всякіе христіанскіе символы. Съ тою же чертою мы сталкиваемся только еще въ одномъ случаѣ, — въ обрядѣ, отмѣченномъ нами, со словъ мѣстной крестьянки, въ Вишневецкой волости Свентянскаго уѣзда Виленской губерніи. Въ холерный 1892-ой годъ въ дер. Станчинеты и въ сосѣднихъ съ нею деревняхъ, населенныхъ бѣлоруссами-католиками, «крѣсна ткали» (т. е. ткали холсты), чтобы не допустить къ себѣ холеру. Въ Станчинетахъ это происходило такъ:

Въ сосѣдней деревнѣ Динавишки холера уже свирѣпствовала, когда въ Станчинетахъ надумали «ткать кросна». На концѣ деревни, обращенномъ къ Динавишкамъ,

въ крайнемъ домѣ собрался къ закату солнца женщины и дѣвцы съ прялками и разными принадлежностями ткацкаго искусства и здѣсь въ одну ночь направили, на-сновали и выткали аршинъ шесть узкаго холста. Къ утру, до восхода солнца, холстъ этотъ *разостлали попережъ дороги* при въѣздѣ въ деревню и приколотили его—къ дорогѣ дубовыми колышками, а концы холста—къ угламъ зданій желѣзными гвоздями. Все же орудія, служившія для выработки этого холста («прасницы, каравлоды, веретѣны, ставы, ничесльницы, колѣсцы, набельницы, навоѣ, завѣрычъ, бѣрда, челнокі, поножі» и др.; орудія эти нарочно выбирався старья) отнесли нѣсколько дальше за деревню (во избѣжаніе пожара), положили на ржаную солому, закрыли сверху соломой же и *сожгли*.—Холеры въ деревнѣ не было. Бабы потомъ «сны сиили» (видѣли во снѣ): шла будто бы туча¹⁾ отъ Динавишекъ, чѣрная-чѣрная, подошла къ Станчинетамъ и прошла мимо.—Мужчины при совершеніи обряда помогали женщинамъ, въ частности—приколачивали холстъ и жили орудія; при тканьи же нѣкоторые изъ нихъ присутствовали въ качествѣ зрителей.

4. Во всѣхъ дальнѣйшихъ описаніяхъ обряда мы встрѣчаемъ уже христіанскіе символы. Такъ, по повѣрью крестьянъ Деревенской волости Слонимскаго уѣзда Гродненской губерніи, при появленіи скотскаго падежа «нужно поставить на мѣстѣ прогона скота десятиконечный крестъ , собрать до восхода солнца изъ всей деревни нитокъ, выткавъ изъ этихъ нитокъ, тоже до восхода солнца, столько холста, сколько успѣють, а затѣмъ этотъ холстъ *обнести кругомъ деревни* до того мѣста, гдѣ поставленъ крестъ, на который его и *повѣситъ*. *На крестъ* холстъ этотъ долженъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ и не свалится. Отъ этого эпизоотія непременно прекратится. Такимъ же образомъ поступаютъ при повальныхъ болѣзняхъ и на людей» (Шейнъ, цитов. сочин., III, 294).

б) Съ незначительною разницею обрядъ этотъ отмѣченъ въ Кобринскомъ у. той же губ. (с. Озяты): «Когда является на скотъ какая-нибудь повальная болѣзнь, селяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: на цѣлую ночь собираются въ какой нѣсть домъ, мужчины въ одну комнату, женщины въ другую. Мужчины должны приготовить крестъ, вывезти его за деревню и поставить на той дорогѣ, по которой болѣе всего ходитъ скотъ. Женщины, въ свою очередь, въ продолженіе ночи должны напярсти, соткать, выбѣлать «ручникъ» (полотенце) и еще до свѣта *повѣситъ на вьювъ поставленному кресту*. Послѣ этого можно ожидать прекращенія повальной» (Юл. Крачковскій, Бытъ зап.-руск. селянина, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1873, с. 197—198).

Въ Волковыскомъ уѣздѣ Гродненской губ. такой же ручникъ ткнутъ одинаково при эпидеміяхъ на людей и на скотъ; ткнутъ, равно какъ и прядутъ и снуютъ, ночью

1) О томъ, что бѣлоруссы представляютъ холеру, между прочимъ, и въ видѣ тучи, идущей изъ села въ село, сообщаетъ также М. Federowski, Lud białoruski, т. I, с. 144—146.

женщины, а утромъ, до восхода солнца, все население деревни нестёт этотъ ручникъ до границы селенія. Здѣсь всѣ становятся подъ большимъ крестомъ, какіе устраниваются у католиковъ на концахъ деревень, и читаютъ здѣсь «литанію» въ честь Господа Иисуса Христа и Преображенія Господня, а по окончаніи церемоніи упомянутый ручникъ вѣшаютъ на крестъ (М. Federowski, *Lud białoruski*, I, с. 275, № 1408; срв. с. 332, № 1887).

в) Въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ въ храмовые праздники существуетъ обычай, въ силу котораго, послѣ молебна съ водосвятиемъ, окропляются святою водою поля, дома и *скотъ*. При этомъ «окропленный святою водою скотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полѣсья *прогоняется по* такому *куску полотна*, который, усердіемъ нѣсколькихъ женъ и дѣвицъ, въ одинъ день выпряденъ и сотканъ. Холстъ послѣ вымывается и *жертвуется въ* приходскую церковь. По мнѣнію простолюдыя, скотъ, перешедшій черезъ такое полотно, не боится скотеекаго падежа» (Ив. Эрмичъ, Очерки бѣлорусск. Полѣсья, 1868, с. 32). Здѣсь, такимъ образомъ, обыденное полотенце обладаетъ силой *предупреждать* появленіе болѣзней, которыхъ по близости еще нѣтъ, и самый обрядъ совершается, очевидно, ежегодно (ср. 7).

5. Рядъ свидѣтельствъ о нашемъ обрядѣ описываетъ его одними и тѣми же, къ сожалѣнію, весьма краткими чертами. Обыденное полотенце здѣсь приносятъ въ храмъ и *вѣшаютъ на икону*. Разница лишь въ томъ, что одни источники говорятъ о выработкѣ такого полотенца ночью, другіе, большинство, — днемъ (быть можетъ понимая *день* въ смыслѣ: сутки).

а) «Въ случаѣ моровой язвы, или падежа скота, приносятъ въ церковь такъ называемый «обыденникъ» (полотенце), сотканный изъ льну дѣвушками и вышитый узорами въ одинъ день отъ восхода до заката солнца. Этимъ обыденникомъ *покрываютъ подвижную* (которую носятъ на процессіяхъ) *икону* Божьей Матери. Священникъ служитъ молебенъ. Въ Дненіи этотъ холстъ называютъ *намѣткою*¹⁾» (М. А. Дмитріевъ, Собраніе пѣсень, сказокъ, обряд. и обыч. крестьянъ Сѣв.-Зап. края, 1869, с. 264).

б) Въ Гродненской губерніи, въ холерные годы 1848, 1853 и 1856, старики «совѣтовали выпрасть въ одну *ночь* изъ чистаго льна нитки и изъ нихъ выткать утиральникъ, который на слѣдующее утро, *до восхода солнца*, долженъ быть повѣшенъ на мѣстную икону въ церкви. Для такой работы дѣвушки собирались ночью въ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ деревни» (Шейнъ, цитов. сочин. III, 291).

1) Бѣлорусское слово *намѣтка* (ср. ниже 66) означаетъ родъ длиннаго (арш. 5—6) полотенца безъ вышивки; такое полотенце употребляется только въ свадебныхъ обрядахъ, когда мать невесты «христѣетъ» (обязываетъ на-крестъ черезъ шею и поясъ) «маршалку» (свадебный чинъ въ родѣ великорусскаго дружка) (по нашимъ свѣдѣніямъ изъ Свентянского у.). По словарю Носовича, это «головная женская повязка изъ тонкаго холста, арш. въ 4 длиною» (с. 311).

в) Въ с. Быкахъ Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи мѣстный священникъ сообщалъ Д. О. Святскому, что во время мора на скотъ женщины всего села въ одинъ день напрядли, выткали, вышили и принесли въ церковь на образъ сработанный въѣмъ сообщая «обыденный рушникъ» (Живая Старина, 1910, № 1, с. 16).

г) Съ небольшимъ отличіемъ мы встречаемся лишь въ Слуцкомъ уѣздѣ Минской губ., гдѣ обыденное полотенце *опоясывается трижды вокругъ храма*, при чемъ и холстъ готовится, также въ одинъ день, соответствующей длины. По словамъ наблюдателя, «это — жертва Богу» (А. Сергпутовскій, Памудракъ: Жив. Стар. 1906, № 4, смѣль, с. 76; ср. ниже № 7).

6. Какъ только обыденное полотенце, вчера еще сопровождавшееся языческими церемоніями, было внесено въ православный храмъ и приложено на икону, — оно сразу получило новое толкованіе: въ немъ стали видѣть проявленіе христіанскаго усердія, ревности по Богѣ. Благочестивыя жены стали давать обѣты — выткать или вышить обыденное полотенце. Но если обыденный рушникъ — простое проявленіе благочестивой ревности по Богѣ, то связь его съ моровымъ повѣтріемъ можетъ быть только случайною. И дѣйствительно, мы видимъ, что обыденныя полотенца благочестивыя христіанки ткуть и вышиваютъ уже по разнымъ поводамъ.

а) Въ с. Барани Борисовскаго уѣзда Минской губ. во время *бездождія* «женщины всей деревни собираются въ одну хату спозаранку и въ теченіе дня общими силами стараются выпрясть извѣстное количество льна, потомъ выткать изъ пряжи холстъ, который и называется «обыденкомъ». Этотъ холстъ они *жертвуютъ въ церковь*, въ полной увѣренности, что Господь исполнитъ ихъ желаніе и пошлетъ дождь» (Шейнъ, цитов. соч. III, 293; взято изъ церковной лѣтописи Баран. церкви).

б) «Для испрошенія *дожда или вѣдра* готовятъ (бѣлоруссы-католики Борисовскаго уѣзда) кусокъ полотна. Требуется въ одинъ день выпрясть и выткать такъ называемую «*намѣтку*». Ею покрываютъ въ костелѣ тотъ «алтарикъ» (родъ аналоя съ иконами), который носятъ во время крестнаго хода (вокругъ костела). Такая намѣтка называется «абыдзянная» (Eust. Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego, 1847, с. 410).

в) Въ Волковыскомъ уѣздѣ Гродненской губ. «чтобы *градъ* не повредилъ посѣвовъ, для этого нужио весною женщинамъ всей деревни собраться въ одну хату и за одну ночь напрядь и выткать ручникъ, который утромъ отнести въ костелъ и освятить. Потомъ вытянуть изъ этого ручника все *нитки* и *намотать* ихъ на *колья крутомъ всею поля*. Тогда Господь сохранитъ отъ градобитія» (M. Fedegowski, цитованное выше сочин. I, с. 273, № 1406).

г) Въ «Толковомъ словарѣ» В. И. Даля читаемъ: «*Обыденникъ* (на западѣ) — полотенце, шириною на икону; *прядется* и *точется*, по обѣту, въ сѣтки». «За хорошаго жениха она Богородицѣ обыденникъ обѣщалась» (с. в. обыденный, т. II, с. 1633,

изд. 3). Помѣтка «западное» въ словарѣ Даля сопровождаетъ большею частью слова бѣлорусскія.

7. Особнякомъ стоитъ обрядъ, сохранившійся кое-гдѣ у нижегородской мордвы; онъ отмѣченъ только въ одномъ селеніи (с. Лобаски) Лукояновскаго уѣзда. «Къ религіозно-нравственнымъ особенностямъ жителей села Лобасковъ можно отнести еще слѣдующій обычай: *въ ночь на Успеніе* Божіей Матери женщины имѣютъ обыкновеніе собираться въ одинъ какой-нибудь опредѣленный домъ; сюда онѣ приносятъ холста, сколько кто можетъ, *сшиваютъ* этотъ холстъ въ одну длинную ленту и потомъ въ глухую ночь *обтягиваютъ имъ вокругъ церкви* въ два-три ряда; въ эту же ночь женщины жертвуютъ для церкви полотенца и платки. Затѣмъ остальную часть ночи собравшіяся женщины проводятъ въ чтеніи акаѳиста Божіей Матери и пѣніи пѣсней, относящихся къ Празднику» (Нижегородск. Епархіальныя Вѣдомости, 1887, № 14, с. 734).

Въ этомъ последнемъ обрядѣ, такимъ образомъ, холстъ не точется *ad hoc*, какъ то мы встрѣчаемъ во всѣхъ прочихъ описаніяхъ, а сшивается изъ старыхъ кусковъ. Съ этнологической точки зрѣнія это однако же легко объяснимо. Что обрядъ здѣсь сохранился не въ чистомъ видѣ, а лишь въ блѣдномъ переживаніи, это явствуетъ уже изъ одного того, что онъ совершается не по случаю мора или какого-нибудь иного общественнаго бѣдствія, а ежегодно въ извѣстный праздникъ (вѣроятно по обѣту). Обрядъ здѣсь превратился въ простую, хотя и своеобразную, жертву. Но если въ дѣлѣ жертвъ божество легко обмануть принесеніемъ одного безцѣннаго символа — клочка шерсти вмѣсто цѣлаго животнаго, куклы вмѣсто челоуѣка (съ подобными обманами этнографъ встрѣчается на каждомъ шагѣ въ языческой религіи финновъ и палеазіатовъ, а въ переживаніяхъ — у всѣхъ европейскихъ народовъ), — то тѣмъ естественнѣе замѣна цѣльнаго полотнища сшитымъ.

Сказать и то, что мордва въ данномъ случаѣ, безспорно, заимствовала обрядъ отъ русскихъ, а при заимствованіи легко могла его и видоизмѣнить (ср. однако же 4в и 5г). — Кстати замѣтимъ, что заимствованіе это могло произойти отъ бѣлорусовъ, у которыхъ, какъ мы видѣли, разсматриваемый обычай пользуется широкою извѣстностью и большимъ распространеніемъ, чего отнюдь нельзя сказать о великоруссахъ. Дѣло въ томъ, что въ Лукояновскомъ уѣздѣ существуетъ нѣсколько (до 14) деревень съ бѣлорусскимъ населеніемъ¹⁾. Жители этихъ деревень были переселены сюда помѣщиками въ 17 и 18-мъ вѣкахъ большею частью для работъ на мѣстныхъ поташныхъ заводахъ. Мордва села Лобасковъ должна была имѣть оживленныя сношенія съ этими бѣлоруссами, такъ какъ въ Лобаскахъ существовалъ поташный заводъ.

1) О нихъ см. статью проф. Б. Ляпунова въ «Живой Старинѣ» 1894 г., вып. 2, стр. 156 и слѣд.

Въ описанномъ мордовскомъ обрядѣ мы предполагаемъ совершаемое ежегодно по обѣщанію повтореніе взятаго у русскихъ обряда, который нѣкогда былъ совершенъ въ селѣ Лобаскахъ по случаю мора или же въ предохраненіе отъ мора (ср. 4в). Обвиваніе обрядоваго холста вокругъ церкви тождественно съ случившимъ обрядомъ (5г) и означаетъ пожертвованіе его церкви. Вообще же мордовскій обрядъ настолько удался отъ своего прототипа, что мы привели его здѣсь только для сравненія и въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ принимать его во вниманіе не будемъ.

Несмотря на то, что всѣ приведенныя выше пятнадцать сообщеній объ интересующемъ насъ обрядѣ идутъ изъ немногихъ губерній Западнаго края, обрядъ этотъ представляетъ однако же въ нихъ довольно большія разновидности. Сущность обряда одинакова: обрядовое обыденное полотенце предохраняетъ людей и домашній скотъ отъ мора. Но обрядовая обстановка, которая необходима для такого предохраненія, въ разныхъ мѣстностяхъ различна. А именно: обрядовое полотенце или прибивается на дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидается вступленіе «смерти» въ деревню (3); или оно обносится кругомъ селенія (1; 4а); или черезъ него (въ № 3 подъ нимъ) прогоняется скотъ (2; 4в); или его вѣшаютъ на особый (иногда десятиконечный) крестъ, нарочно сдѣланный и поставленный въ полѣ тамъ, гдѣ часто ходитъ скотъ или гдѣ его прогоняютъ (4а; 4б); наконецъ, обрядовое полотенце вѣшаютъ на икону въ церкви, у католиковъ — на «алтарикъ» (5), или же опоясываютъ имъ церковь (5г, ср. 7). О наматываніи штокъ изъ такого полотенца на колья кругомъ поля мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ оно отмѣчено только въ позднѣйшемъ, чисто христіанскомъ фазисѣ обряда (см. 6в).

О значеніи этихъ варіацій рѣчь будетъ ниже. Теперь же замѣтимъ, что въ этомъ разнообразіи легко намѣчаются три главныхъ фазиса развитія обряда: 1) дохристіанскій фазисъ (1—3): въ обстановкѣ нѣтъ еще никакихъ христіанскихъ символовъ и дѣйствій; 2) переходный фазисъ (4—5): въ обстановкѣ появляются христіанскіе символы и дѣйствія, которыя сначала играютъ второстепенную и даже случайную роль (4), но потомъ поглощаютъ почти весь обрядъ (5). Перушиною остается одна старая черта — тѣсная связь обряда съ случаями мора. 3) И только въ третьемъ, чисто христіанскомъ фазисѣ (6) эта связь нарушена: обыденное полотенце, жертвуемое въ церковь на икону, считается средствомъ, предохраняющимъ уже не отъ мора, а отъ засухи (6а и б), градобитія (6в), или даже служить благодарственною обтѣною жертвою Богородицѣ за хорошаго жениха (6г).

Изъ трехъ намѣченныхъ выше стадій развитія обряда этнографъ интересуется болѣе всего, конечно, древнѣйшая, дохристіанская стадія. На ней мы и остановимся подробнѣе. Предварительно же обратимъ вниманіе читателей на одну черту обряда въ его третьемъ, чисто христіанскомъ фазисѣ (6б) и вмѣстѣ во второмъ, переход-

номъ (3а); это: обыденное полотенце прикладывается въ церкви на *подвижную* икону (у католиковъ на алтарики), т. е. на ту святую, которую носятъ во время «процессій» или крестныхъ ходовъ вокругъ храма и иныхъ. (У бѣлоруссовъ-католиковъ такіа «процессіи» совершаются каждое воскресенье). Здѣсь мы усматриваемъ намекъ на то, что нѣкогда обыденное полотенце вѣшали на икону во время крестнаго хода (или, быть можетъ, передъ нимъ) и *обносили его*, выѣтъ съ иконою, вокругъ храма или же вокругъ селенія. Такое предположеніе тѣмъ естественнѣе и тѣмъ проще, что обнесеніе обыденнаго полотенца вокругъ селенія входитъ, какъ существенная часть, въ древнѣйшій, до-христіанскій видъ нашего обряда (1; срв. 4а). Такимъ образомъ, въ этой чертѣ мы видимъ доказательство тѣснѣйшей связи чисто христіанскаго обряда съ древнѣйшимъ, языческимъ его прототипомъ.

Чтобы покончить совсѣмъ съ христіанскимъ обрядомъ, укажемъ еще, что у вотяковъ Вятской губерніи, въ частности въ Слободскомъ уѣздѣ, широко распространены обычай прикладывать въ церковь на икону полотенца, только не обыденныя, а обыкновенныя. Имѣть ли этотъ обычай связь съ разсматриваемымъ нами обрядомъ, уѣшить отказываемся по недостатку данныхъ. Скорѣе нѣтъ. Наши церковные писатели объясняютъ народный обычай приносить въ храмъ холсты и др. предметы (ленъ, хлѣбъ, шерсть) памятью о древней «десятинѣ» (Архим. Николай, Ист.-статист. опис. Минской епархіи, 308).

Переходя теперь къ анализу древнѣйшаго, до-христіанскаго обряда, укажемъ прежде всего, что въ немъ видны, въ свою очередь, три главныхъ разновидности. 1) Въ первой обрядовое полотенце приколочивается на дорогу «смерти» и служить, такимъ образомъ, прямою преградой этой послѣдней (3). «Смерть» (въ видѣ черной тучи, какъ ее видѣли во снѣ старухи) доходить до этой преграды, но не можетъ ее перейти, почему поворачиваетъ въ сторону и проходитъ мимо. 2) Во второй разновидности обрядовое полотенце обносится кругомъ селенія (1). То же самое сохранилось и въ переходномъ фазисѣ (4); а намекъ на такое обнесеніе можно усматривать, какъ мы видѣли, и въ чисто христіанскомъ фазисѣ (6б; срв. 5а). 3) Наконецъ, въ третьей разновидности черезъ обыденное полотенце перегоняютъ скотъ (2) или же подъ нимъ проходятъ люди (1). И эта черта также сохранилась въ переходной стадіи (4в).

Въ номерѣ 1-мъ (описаніе Богдановича) мы видимъ одновременно и обнесеніе обрядоваго полотенца вокругъ селенія, и прохожденіе подъ нимъ людей. Кромѣ того, здѣсь (равно какъ и въ номерѣ 3) зажигается еще костеръ, черезъ который и переходятъ люди.

Возжиганіе огня и переходъ черезъ него — обрядъ весьма распространенный. Имъ обыкновенно сопровождается и аналогичное нашему обряду «опашиваніе», совершаемое въ тѣхъ же случаяхъ мора. Огонь въ данномъ случаѣ имѣетъ очистительное и выѣтъ устрашающее, отпугивающее нечистую силу значеніе, соответ-

ствующее самой природѣ этой стихіи и явствующее изъ громаднаго ряда другихъ обрядовъ, какъ русскаго, такъ и другихъ народовъ (см. В. Н. Харузина «Къ вопросу о почитаніи огня», *Этнограф. Обзор.* 1906, № 3—4, с. 128 и слѣд.).

Въ нашемъ случаѣ заслуживаетъ вниманія матеріалъ костра; это не простыя дрова, а щепки или лучинки, принесенныя съ каждаго двора данной деревни (1), или же разныя принадлежности ткацкаго искусства, собранныя также съ разныхъ дворовъ (3). Подобный, т. е. коллективный матеріалъ для обрядоваго костра можетъ служить также признакомъ того, что въ кострѣ видятъ жертву, въ которой желательно участвовать всѣмъ жителямъ даннаго селенія. Не исключена возможность, что и здѣсь собранныя со всѣхъ дворовъ деревни щепы или орудія означаютъ символически самихъ жителей деревни. Напомнимъ, что первобытный человѣкъ иногда представлялъ болѣзнь въ видѣ живого существа, которое пожираетъ больного (большую частью постепенно, а иногда, какъ то при холерѣ, сразу). Мордва для исцѣленія больного приносить символическую жертву — сдѣланную изъ тѣста куклу, мужскую, если хвораетъ мужчина, и женскую, если больна женщина; куклу эту бросаютъ въ воду, которой приписывается болѣзнь, со словами: «это тебѣ на пользу, вмѣсто здоровья получи, а ему (или ей) дай здоровья» (*Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр.* XII, 311). — Мы однако не настаиваемъ на такомъ толкованіи нашего костра, такъ какъ переходъ черезъ жертвенный огонь нѣсколько страненъ; напротивъ, очистительному огню онъ вполне приличествуетъ. Но при несомнѣнной сложности обряда и при массѣ наслоеній, которымъ онъ подвергся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, указанный мотивъ, вѣроятно, имѣлъ нѣкоторое вліяніе, тѣмъ болѣе что перехода черезъ огонь иногда и не бываетъ (3). Сожженіе орудій производства обрядоваго полотна можно объяснять и еще иначе, о чемъ мы скажемъ ниже (стр. 14).

Надъ обрядовымъ костромъ распространяютъ (1), какъ мы видѣли, обыденное полотенце, подъ которымъ и проходятъ переходящіе черезъ огонь люди. Такимъ образомъ, здѣсь устраиваются какъ бы своеобразныя ворота. Нѣчто аналогичное этому мы видимъ въ другихъ подобныхъ же обрядахъ, совершаемыхъ для предохраненія отъ мора скота. Въ Воронежскомъ уѣздѣ прорывали насквозь земляные курганы, зажигали въ проходѣ разныя горючія и есмдныя вещества и прогоняли надъ огнемъ, во время падежа, домашній скотъ (Шингаревъ, *Вымирающая деревня*, изд. 2-ое, с. 24, изъ церковной лѣтописи с. Новоживотинскаго); иногда костра тутъ не зажигаютъ (Ворон. Юбил. Сб. II, 94). Тотъ же самый обрядъ отмѣченъ и у мордвы села Болдова Инсарскаго у. Пензенской губ. (*Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр.*, XII, 316). Е. В. Аничковъ удачно объясняетъ этотъ обычай такимъ образомъ: прогоняемое черезъ земляныя ворота стадо какъ бы проходить сквозь землю, и земля должна принять все, что есть въ скотѣ порчи и заразы (Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ, 323). Аничковъ отмѣчаетъ тотъ же обрядъ еще во Фран-

ции, а въ видѣ переживанія и въ Англіи, гдѣ «животныя просто должны проползати въ ухажую подъ барьеромъ» (ibid.). — По аналогіи съ этимъ обрядомъ, обыденное полотенце, подъ которымъ (1) и черезъ который (2; 4в) прогоняють скотъ, принимаетъ въ себя изгоняемое зло. Вполнѣ согласно съ такимъ объясненіемъ это обрядовое полотенце по окончаніи обряда сжигается (1) или оставляется гнить подъ дождемъ и вѣтромъ (4а).

Въ другихъ случаяхъ (4а; 1), какъ мы видѣли, обыденное полотенце обносится кругомъ селенія. И это также можно объяснить тѣмъ, что полотенце должно воспринять въ себя нечисть. Нѣчто аналогичное мы имѣемъ въ латышскомъ и литовскомъ обрядахъ обнесенія пѣтуха (соответствующія цитаты у Анничкова, цитов. сочин., с. 323 и 273).

Что же касается самаго обхода, то это общераспространенный мотивъ обриванія магическаго круга, котораго боится всякая нечисть. Тотъ же самый мотивъ мы видимъ и въ опахиваніи, гдѣ такой кругъ очерчивается бороздою; въ обходѣ скотины передъ выпускомъ ея въ поле весною (Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., IV, 273); въ лѣченіи посредствомъ очерчиванія круга чирьевъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней (Г. Поповъ, Русская нар.-бытовая медицина, 207 и 36 прим.) и т. п. Весьма характерный разсказъ приведенъ въ «Deutsche Mythologie» Якова Гримма: «Чума встрѣтила на пути одного крестьянина и попросила его подвезти ее. Тотъ согласился и, узнавъ дорогой, кто его спутница, сталъ умолять ее о пощадѣ. Чума смилостивилась и научила его *объжгать* нагому *кругомъ* своего дома и закопать въ землю у порога избы желѣзный крюкъ. Смелливый крестьянинъ *объжгалъ*, вмѣсто того, вокругъ всей своей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ въѣздѣ въ деревню. Чума потомъ страшно свирѣпствовала въ окрестностяхъ, но въ деревню, огражденную невидимымъ кругомъ и желѣзнымъ заборомъ, проникнуть не могла» (с. 1138—9, изд. 1844 г.).

При такихъ очистительныхъ обходахъ иногда носятъ съ собою пѣтуха, о чемъ уже говорилось выше, а иногда — огонь; напримѣръ, сербы обносятъ вокругъ домовъ горящій уголекъ (Березинъ, Хорватія, Славонія, Далм. и Военная Граница, т. II, с. 347); у русскихъ пастухъ обходятъ стадо со свѣчей, съ которой стояли заутреню въ день Пасхи (С. Макеймовъ, Нечистая, невидѣ. и крест. сила, с. 194—195). Если при этомъ въ пѣтухѣ еще можно видѣть существо, воспринимющее въ себя нечистоту и заразу, то огонь имѣеть, безспорно, очистительное и устрашающее нечистую силу значеніе. Тотъ же Е. Анничковъ, которому принадлежитъ приведенное выше объясненіе фигурирующаго въ обрядѣ пѣтуха, какъ принимающаго на себя «всю пакость», въ огнѣ, черезъ который прогоняють скотъ, усматриваетъ уже «на-столько святой предметъ, что скверна на немъ остановится и не будетъ имѣть возможности слѣдовать далѣе за скотомъ» (цитов. кнжка, с. 324).

Которое же изъ этихъ двухъ возможныхъ объясненій примѣнимо къ разсматриваемому нами обыденному полотенцу?

Въ обрядѣ Свѣтянскаго уѣзда (3) полотенце, безспорно, устрашаетъ и отпугиваетъ «холеру», на дорогѣ которой оно и прибѣгается. Не даромъ же туча, въ образѣ коей бѣлоруссы представляютъ себѣ холеру, дойдя до этого полотенца, повернула въ сторону. Напротивъ, въ обрядѣ, описанномъ у Богдановича (1), болѣе чѣмъ естественно видѣть въ обыденномъ полотенцѣ нѣчто, воспринимающее въ себя заразу; вполне согласно съ такимъ именно объясненіемъ это полотенце здѣсь сжигается на кострѣ.

Такимъ образомъ, мы усматриваемъ въ нашемъ обрядѣ двойственность обрядовыхъ представленій: въ однихъ случаяхъ въ основѣ обряда лежатъ одно представленіе, въ другихъ — иное. Эта двойственность была бы еще понятна намъ, если бы рѣчь шла объ огнѣ или о водѣ — о стихіяхъ, которымъ народное міровоззрѣніе приписываетъ самое широкое очистительное значеніе, вполне соответствующее природѣ этихъ стихій. Напротивъ, психологическая подкладка того, почему обыденному полотенцу приписывается хотя бы очень скромное очистительное значеніе, для насъ остается пока загадкою.

Объясненіе двойственности разсматриваемаго обряда можно найти только при предположеніи, что обрядъ этотъ *сравнительно новый* и поздній, такъ что въ немъ обыденное полотенце могло быть поставлено на мѣсто другихъ, болѣе древнихъ обрядовыхъ элементовъ и, кромѣ того, при сложении его могло оказать свое вліяніе одно изъ высшихъ и новѣйшихъ представленій — понятіе нравственной святости, развившееся изъ болѣе древняго представленія — абсолютной чистоты. Все святое не только устрашаетъ и отпугиваетъ всякаго рода нечисть, но вмѣстѣ и поглощаетъ, говоря точнѣе, уничтожаетъ такую нечисть. Такъ, одна капля святой воды можетъ освятить и очистить цѣлую кадку меда или масла, непогашенную упавшею туда мышью.

Самое возникновеніе идеи о томъ, что все «обыденное» есть вмѣстѣ съ тѣмъ и священное, можно объяснить только на почвѣ сравнительно поздняго отвлеченія. Ближайшіе элементы, на которые разлагается это понятіе «священной обыденности», будутъ — совершенная чистота и таинственность.

Понятіе чистоты сравнительно очень древнее. Никогда оно почти совпадало съ понятіемъ новизны: все новое, только что образовавшееся или только что сдѣланное, по тому самому и чистое. Это понятіе прилагалось, между прочимъ, и къ огню, который въ извѣстные періоды времени возобновлялся: всѣ старые огни гасились и добывался новый огонь. Въ обрядахъ, особенно же въ очистительныхъ обрядахъ, предпочтительно употреблялся, равно какъ употребляется и теперь этотъ новый огонь, именно какъ болѣе чистый. Равнымъ образомъ, вода въ народныхъ обрядахъ употребляется всегда свѣжая, только что зачерпнутая изъ источника.

Съ момента возникновенія идеи о злыхъ духахъ, эти послѣдніе представлялись живущими въ нечистыхъ мѣстахъ и опоганивавшими всѣ чистые предметы, съ которыми они входятъ въ соприкосновеніе. Такое представленіе весьма живо и распространено въ русскомъ народѣ. Черти или «нечистики» поганятъ всякую утварь и посуду въ домѣ, если она оставлена на ночь незакрытою или положена безъ благословенія; даже загрязняютъ воду въ ручьяхъ и рѣкахъ (Г. Поповъ, Русск. нар.-бытов. медицина, с. 22). Новый холстъ, только что снятый съ ткацкаго станка, считается обыкновенно нашими крестьянами нечистымъ, и его отнюдь не употребляютъ въ пользованіе до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ вымытъ на рѣкѣ; одна изъ причинъ этого — вполне естественная возможность загрязненія его со стороны чертей въ то продолжительное время (обычно нѣсколько мѣсяцевъ), когда холстъ находится въ станѣ.

«Обыденное» полотенце, въ полную противоположность такому обычному холсту, не только ново, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ отличается безупречною чистотою. Нечистая сила отнюдь не могла сдѣлать съ нимъ чего-бы то ни было: полотенце это вчера еще было просто льномъ; и пряли, и мотали, и сновали, и ткали его всего на всего одну ночь или одинъ день, такъ что во все время своего производства полотенце это не выходило съ живыхъ рукъ человѣка; при такихъ же условіяхъ, конечно, полотенце не могло подвергнуться какому-нибудь вліянію со стороны нечистой силы. По своей чистотѣ оно безупречно и совершенно.

Эти же самыя условія и обстановка производства дѣлаютъ обыденное полотенце *необычнымъ* и потому таинственнымъ. Не выдѣляясь формою, обыденное полотенце рѣзко отличается отъ всей прочей массы полотенецъ, употребляющихся въ хозяйственномъ обиходѣ, именно тѣмъ, что оно «обыденное», сдѣланное въ одинъ сутки. Такія полотенца встрѣчаются въ практикѣ крайне *рѣдко*, такъ какъ приготовить его въ одинъ день силами одного человѣка или даже одной семьи почти невозможно. (Уже послѣ только обыденное полотенце стало пониматься, какъ *вышитое* въ одинъ день, вслѣдствіе чего и сдѣлалось возможнымъ приготовленіе его однимъ человѣкомъ; здѣсь мы имѣемъ измѣненный пережитокъ обряда). А рѣдкіе предметы вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе извѣстные. Помимо того, обыденное полотенце, по изложеннымъ условіямъ своего производства, совершенно, такъ сказать, неизвѣстно нечистой силѣ, чертямъ, которые присутствовать при работѣ не могли.

Но предметы необычайные, таинственные и крайне рѣдкіе предпочтительно и употребляются въ народной обрядности. Употребляются не для мистической торжественности обряда, какъ обычно думаютъ, или, по крайней мѣрѣ, не только для такой торжественности, но и по другимъ причинамъ. А именно: во-первыхъ, мы видимъ въ этой чертѣ переживаніе глубокой старины, хотя и плохо понятой; во-вторыхъ, все таинственное и необычайное считается eo ipso наименѣе доступнымъ

нечистой силѣ, считается талисманомъ, о который дѣйствіе нечистой силы разбивается.

Древнѣйшія обрядовыя дѣйствія, образецъ которыхъ мы имѣемъ, напримѣръ, въ «камланіяхъ» шамановъ, сопровождаются всегда необычайными и странными движеніями и поступками. Первоначальная цѣль такихъ движеній и поступковъ была вполне реальная: шаманъ приводилъ или себя въ экстазъ, а зрителей — или своего пациента — подготовлялъ къ болѣе вѣрующей. Проходили вѣка; шаманство видоизмѣнилось или даже совсѣмъ исчезло; первоначальный смыслъ необычныхъ и странныхъ движеній, сопровождавшихъ обряды, забылся; но самыя движенія и дѣйствія остались, въ качествѣ переживанія. Постъ исчезла и болѣе часть этихъ движеній и дѣйствій, но сохранилось возникшее на ихъ почвѣ общее представленіе, что обряды должны сопровождаться именно такими необычайными движеніями и поступками. Возникла мысль, что все сверхъестественное проявляется въ необычайномъ, и эти двѣ категоріи явленій стали даже смѣшиваться въ народномъ міровоззрѣніи. С. Максимовъ справедливо говорить о «вѣковѣчной привычкѣ русскаго простолюдиня во всемъ необычномъ подозрѣвать сверхъестественное» и о «простоудушной вѣрѣ, что во всемъ, не поддающемся нашему разумію, несомнѣнно должно быть участіе и работа таинственныхъ силъ» (Нечистая, невид. и крестная сила, 174).

Мало того, въ русскомъ народѣ бытуеетъ убѣжденіе, что нечистая сила можетъ вредить только тому, что она хорошо и подробно знаетъ, и безсильна противъ того, что ея вѣдѣнію почему-либо недоступно. На этомъ воззрѣніи основаны многіе (хотя, конечно, далеко не всѣ) талисманы и амулеты. Такъ, напримѣръ, однимъ изъ талисмановъ, предохраняющихъ новобрачныхъ отъ злого дѣйствія колдуновъ, пользующихся, какъ извѣстно, услугами нечистой силы, служить маковая головка; самъ народъ объясняетъ это такъ: сколько бы силенъ ни былъ колдунъ, но онъ *не знаетъ* числа маковыхъ росинокъ въ маковицѣ, а значитъ и не можетъ повредить человѣку, имѣющему при себѣ этотъ талисманъ¹⁾. Такъ же можно объяснять и подпоясываніе жениха сѣтями, съ цѣлью предохранить его отъ порчи (Г. Поповъ, Русская народн. медиц. 33, прим. 2) въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ.: необычайная одежда изъ сѣтей встрѣчается и въ сказкахъ съ загадками, именно какъ необычайная (А. Аопасевъ, Народн. русск. сказки, № 190; Романовъ, Бѣлорусск. сборникъ, III, 395).

Народные заговоры поражаютъ насъ тою подробностью и обстоятельностью, съ которою они описываютъ все то, на что должна простереться сила заговора. «Змѣя

1) Допускаемъ возможность, что объясненіе это позднѣйшее; древнѣе, вѣроятно, объясненіе воронежскихъ крестьянъ: макъ сыплотъ въ чулокъ новобрачной *для плодородія* (Ворон. Юбил. Сборн. II, 85), но самое существованіе перваго объясненія говоритъ о соответствующемъ общемъ воззрѣніи народа.

домовая, змѣя полевая, змѣя гноевая, змѣя межевая, змѣя курчевая, змѣя лѣсовая, змѣя подкольная, змѣя водяная, змѣя полетучая, змѣя шкуропея, унимай своихъ слугъ, вынимай свои зубы и ядъ, съ бѣлыхъ костей, съ черныхъ бровей, съ ясныхъ очей, съ жилъ, съ поджилъ, съ ногтей, съ подногтей, съ буйной головы, съ горячей крови, съ ретивого сердца (шмя)» (Г. Поповъ, цитов. кн. 243, № 114). Въ этомъ заговорѣ «отъ укушенія змѣи» перечислено 10 различныхъ видовъ змѣй и 10 же частей человѣческаго тѣла. Центр тяжести лежитъ здѣсь, однако, не въ числѣ 10 (въ другихъ заговорахъ подобныхъ указаній бываетъ и больше, и меньше), а въ самой подробности и полнотѣ описанія. Если какой-нибудь видъ змѣи будетъ опущенъ, то на него не распространится и дѣйствіе заговора. Въ заговорахъ отъ «присухи» перечисляютъ подробно жилы и сухожилия человѣческаго организма: если какая-нибудь часть организма при этомъ не будетъ упомянута, то «присуха» въ ней останется, а значитъ и заговоръ не достигнетъ своей цѣли.

Такимъ образомъ, для положительнаго или отрицательнаго дѣйствія посредствомъ заговоровъ отъ заговаривающаго требуется подробное и точное *знаніе* тѣхъ существъ, на коихъ распространяется его заговоръ. И вообще, нечистая сила должна *знать* данныхъ людей, чтобы имѣть возможность вредить имъ. Между тѣмъ, многое изъ того, что представляется человѣку загадочнымъ и таинственнымъ, составляетъ тайну и для нечистой силы.

«Обыденные» предметы, характеризующаясь вышею степенью чистоты, отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ и этою необычайностью, рѣдкостью и таинственностью. По этимъ признакамъ имъ весьма естественно было получить значеніе талисмана, предохраняющаго человѣка отъ нечистой силы. (Эпидемическія болѣзни обыкновенно представляются народу въ видѣ живыхъ существъ, относящихся къ общей категоріи «нечистой силы»). Такой талисманъ и готовится каждый разъ въ случаѣ надобности, ad hoc, такъ какъ старій, если бы даже онъ и сохранился, потерять уже свою силу — сдѣлался всеѣмъ (а значитъ и нечистой силѣ) извѣстнымъ. Когда при исполненіи разсматриваемаго нами обряда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (3) тотчасъ же по изготовленіи обыденнаго полотенца сжигаютъ все орудія производства, коими пользовались при работѣ, — то въ этомъ можно видѣть и простое средство къ увеличенію необычности и таинственности полотенца: оно изготовлено какъ бы несуществующими орудіями.

Исходя изъ выше изложенныхъ разсужденій, мы предполагаемъ, что обыденнаго полотенца явились въ разсматриваемомъ нами обрядѣ на мѣстѣ обыкновенныхъ кусковъ холста, при чемъ замѣтна эта имѣла въ виду именно высшую чистоту, необычайность и таинственность обыденнаго холста. Самый предметъ могъ быть заимствованъ изъ легендъ и сказокъ, гдѣ построенные въ одну ночь чудесные дворцы, мосты и т. п. — весьма распространенный мотивъ (Аванасьева, Русск.

нар. сказки, № 122; Романовъ, Бѣлорусск. сборн. III, 396; Ончуковъ, Сѣверныя сказки, 150). Первоначально же кускомъ холста окружали, вѣроятно, все селеніе¹⁾, и это былъ тотъ же магическій кругъ-поясъ, который теперь символизуется обходомъ вокругъ селенія съ обыденнымъ полотенцемъ въ рукахъ или же приколачиваніемъ его на дорогѣ. Потребность слишкомъ большого количества холста для большихъ селеній должна была сильно содѣйствовать такой символической замѣнѣ. Въ аналогичномъ обрядѣ опаживанія, гдѣ такой трудности нѣтъ, борода обводится и теперь вокругъ всего селенія.

Позднѣйшая христіанизация обряда — обычная участь почти всей народной обрядности. Возможно, что въ христіанскія времена обыденное полотенце разсматривалось нѣкоторыми евреями какъ нѣчто аналогичное тому чудесному «омофору», который изображается на иконахъ «Покрова Пресвятой Богородицы». Замѣчательно, что почти всѣ наши этнографы считали разсмотрѣнный нами обрядъ вполне христіанскимъ, почему и не упоминали о немъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Если бы такого недоразумѣнія не было, то представители старой мифологической школы, конечно, сопоставили бы этотъ обрядъ съ классическимъ мифомъ о прядущихъ нити жизни паркахъ: моровая язва, молъ, подрываетъ эти нити, почему онѣ и прядутся усиленно.

II. Обыденные храмы.

Литература объ обыденныхъ храмахъ. Настоящее и прошлое обычая. Единственный поводъ къ постройкѣ такихъ храмовъ — моръ. Лѣтописныя свидѣтельства объ обстановкѣ постройки. Область распространенія и древность обычая. Христіанскій смыслъ его. Древнѣйшее значеніе, аналогичное обыденнымъ полотенцамъ.

Наши историки занимались «обыденными храмами» весьма мало. Намъ извѣстна только одна статья графа А. С. Уварова «Обыденныя или единодневныя церкви» (Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 2. М. 1865—67. Матеріалы для археологич. словаря, с. 43—47). Въ 1893-мъ году было издано С. А. Бѣлукуровымъ «Сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ во избавленіе отъ смертоносныя язвы» (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1893, № 3, отд. 2) съ предисловіемъ Н. Ѳ. Ѳедорова, но въ этомъ предисловіи новыхъ данныхъ по сравненію съ статьею гр. Уварова почти нѣтъ. Гр. Уваровъ закончилъ свою статью вопросомъ: «Послѣ приведенныхъ здѣсь примѣровъ обыденныхъ построекъ остается только рѣшить вопросъ: Откуда взялось въ Россіи обыкновеніе строить обыденныя церкви?» (с. 47). Н. Ѳедоровъ совсѣмъ не поднимаетъ этого вопроса, и послѣдній остается открытымъ до сихъ поръ. Намъ думается, что рѣшить его должна этнографія, а не исторія.

1) Нѣкоторый намекъ на это можно усматривать въ мордовскомъ обрядѣ (№ 7).

Обычай постройки обydенных храмовъ — обычай чисто историческій, теперь уже нигдѣ не бытующій. Уже по самому существу своему обычай этотъ могъ примѣняться лишь къ деревяннымъ храмамъ, которые теперь строятся такъ рѣдко. Кроме того, сложность современной общественной жизни весьма плохо мирится съ этимъ патриархальнымъ обычаемъ. Въ Москвѣ въ началѣ девяностыхъ годовъ нѣкоторые публицисты подняли вопросъ о празднованіи предстоящаго юбилея Троице-Сергіевой Лавры постройкою обydеннаго храма, и началась было уже денежная подписка на предполагаемое сооруженіе, но дѣло сразу же остановилось и замерло за отсутствіемъ... разрѣшенія со стороны подлежащаго начальства (см. цитов. статью Бѣлокурова, предислов.). Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло уже съ обычаемъ мертвымъ. Но живые свидѣтели, обязанные ему своимъ существованіемъ въ прошломъ, стоять цѣлы и невредимы до нашихъ дней и служить намъ какъ бы живую лѣтописью. Таковы: «Илья Обydенный» въ Москвѣ, Спасопробоишскій обydенный храмъ въ Ярославлѣ, «Спасъ Овѣдѣнный» въ Вологдѣ, «Екатерининская овѣдѣнная церковь» въ селѣ Екатерининскомъ, что на р. Вяткѣ, въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губ. Эта послѣдняя — едва ли не единственная обydенная церковь, сохранившаяся до нашихъ дней¹⁾ въ ея первоначальномъ видѣ: всѣ прочіе обydенные храмы были скоро перестроены и большею частью замѣнены каменными. Величина указанной вятской церкви около полутора квадр. сажень; престоломъ ея служить простой пенекъ; царскія врата — двѣ простыя доски, привязанныя перевками. Постройку этой церкви мѣстное преданіе приписываетъ св. Трифону, вятскому чудотворцу (1550—1614 гг.), что однако же исторіей не подтверждается; поводъ къ обydенной постройкѣ, къ сожалѣнію, не извѣстенъ (Д. Зеленинъ, Кама и Вятка, 131).

Гр. Уваровъ даетъ слѣдующее опредѣленіе понятію «обydенныя церкви»: это «тѣ церкви, которыя сооружались по обѣту въ одинъ день для избавленія города или страны *отъ какого-либо общественнаго бѣдствія*» (с. 43). Но дальнѣйшее изложеніе того же автора даетъ намъ полное право нѣсколько съузить это опредѣленіе, а именно по вопросу о поводѣ къ постройкѣ обydенныхъ храмовъ. «Морь и *моровыя повѣтрія* были главными причинами построекъ обydенныхъ церквей», пишетъ далѣе гр. Уваровъ (с. 43). Онъ насчитываетъ 8 случаевъ построенія обydенныхъ церквей въ Новгородѣ за періодъ времени съ 1390 по 1553 г. и 5 случаевъ въ Псковѣ за время съ 1407 по 1552 г., и во всѣхъ этихъ случаяхъ поводомъ къ постройкѣ былъ моръ. Къ этому нужно прибавить упомянутые обydенные храмы — въ Ярославлѣ, построенный въ 1612 г. также по случаю моровой язвы (А. Крыловъ, Церк.-археол. опис. гор. Ярославля, 49—50; И. Соловьевъ, Яросл.

1) Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, и эта церковь не такъ давно сгорѣла. Богослуженіе же въ ней не совершалось уже давно: она стояла подъ навѣсомъ, а рядомъ была каменная церковь.

Спасопр. обид. храмъ, 19 и 24), и въ Вологдѣ — построенный 18 октября 1654 г., по тому же самому поводу.

Всѣ тѣ немногія исключенія, въ которыхъ поводами къ постройкѣ обыденныхъ храмовъ предполагается не моровая язва, а другія событія, — болѣе или менѣе спорны. Гр. Уваровъ пишетъ: «Исключеніемъ изъ этого общепринятаго правила (относительно поводовъ къ постройкѣ) должна служить церковь св. Андрея Стратилата въ Новгородѣ, если рассказы о причинѣ ея основанія дѣйствительно вѣрны. Говорятъ иные, что она выстроена по случаю моровой язвы, въ одинъ день, 19 августа, по неизвѣстному какому году. Между тѣмъ какъ архимандритъ Макарій (Археологическ. опис. Новгорода I, 114—115), на основаніи рукописнаго лѣтописца Николо-Дворищенскаго собора 1762 г., допускаетъ возможность отнести ее къ 1301 году и причислить къ обѣтнымъ церквамъ, какъ выстроенную *въ память победы* новгородскаго князя Андрея Александровича». Въ виду столь поздняго источника, которымъ воспользовался названный церковный историкъ, гр. Уваровъ основательно сомнѣвается въ его сообщеніи. Еще болѣе сомнительно сообщеніе Г. Истомина объ обыденной церкви въ московскомъ кремлѣ на мѣстѣ Николо-Гостунскаго храма. Не указывая своихъ источниковъ, авторъ пишетъ, будто бы тутъ была «обыденкой построена» около 1480 г. деревянная церковь во имя святаго Николая на мѣстѣ Орудынскаго подворья, по случаю того, что ханъ Ахматъ согласился уступить это мѣсто подъ церковь вел. князю Софью Ѳеодоровну, женѣ вел. кн. Ивана III (Ивановская колокольная и церкви при ней. Изд. 2. М. 1893, с. 14). П. Ѳеодоровъ вѣрить этому сообщенію, но мы сильно сомнѣваемся, именно вследствие полной неизвѣстности его источниковъ.

Наконецъ, историкъ церкви Макарій (Ист. русск. ц. I, 35) считаетъ обыденною церковь, построенную въ 996 году вел. кн. Владиміромъ по случаю избавленія его отъ печенѣговъ: спасаясь отъ преслѣдованія кочевниковъ, великій князь спрятался подъ мостъ и далъ здѣсь обѣтъ построить, въ случаѣ избавленія отъ опасности, церковь. Спасшійся князь, какъ говорится въ лѣтописи, «постави церковь и створи праздникъ великій» (Полн. собр. лѣтописей, I, 53). Никакихъ историческихъ свидѣтельствъ объ «обыденности» этой церкви нѣтъ, и указанное предположеніе церковнаго историка, какъ мы уже не доказанное, мы имѣемъ право отвергнуть.

Никакихъ другихъ данныхъ объ обыденныхъ церквахъ въ нашей исторической литературѣ мы, къ сожалѣнію, не нашли. Приведемъ, для примѣра, нѣсколько буквальныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о самой обстановкѣ интересующихъ насъ событій, цитую по названной выше статьѣ гр. Уварова. Въ 1390-мъ году «бысть моръ въ Новгородѣ желѣзоу; а мѣсяца октября въ 12 въ среду крестьяне поставили церковь, въ едино утро, изъ лѣса привозя въ бервьна . . . И свещать владыко Иванъ того же утра» (Полн. собр. лѣтоп. IV, 97).—И вообще, освященіе обыденной цер-

кви въ самый день постройки — общее явленіе, о которомъ согласно говорятъ всѣ наши источники.—«Того же лѣта бысть повѣтріе в великомъ Новѣградѣ и в то время поставиша церковь древану святыхъ святителей Аванасія и Кирілла во единый день, и бервна возиша изъ лѣсу того же дни, и срубиша, и освятиша единого дне, и служиша» (Новгор. лѣтоп. церк. 6898 г.).

Интересный случай отмѣченъ въ Псковѣ въ 1522-мъ году. Псковичи, по случаю моровой язвы, «въ лѣто 7030... поставиша церковь св. Варлаама, ... и моръ не преста. И пакы поставиша другую церковь Покровъ Святѣй Богородицы, ... и преста моръ».—Въ Вологдѣ 1654 г., по однимъ свидѣтельствамъ, «положиша основаніе его (обыденнаго храма) въ вечерѣ въ *первомъ* часу нощи» (изданное С. Бѣлокуровымъ по спискамъ конца 18 и начала 19 вв. сказаніе, с. 15), а по другимъ — «начали рубить противъ 18 числа въ 6 часу ночи, а клали свѣточи и зажигали скалы на батогахъ, свѣтили свѣтло, а срубили за два часа до дни; а святить начали въ 5 часу дни» (мѣстная лѣтопись, см. П. Саввантовъ, Опис. Волог. Спасокаменнаго Духова м-ря, с. 47)¹⁾. «И освятиша altarъ въ той же день и литургію отслужиша къ вечеру» (сказаніе, издавшее Бѣлокуровымъ, с. 16); иконы для новой церкви были взяты изъ другихъ городскихъ церквей и обратно возвращены не были, а остались въ обыденной церкви навсегда.

Какъ видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, обычай постройки обыденныхъ храмовъ былъ извѣстенъ только въ Новгородской и Московеквой Руси: Новгородъ, Псковъ, Москва, Ярославль, Вологда, Вятка. О другихъ городахъ (кромѣ развѣ всема сомнительнаго Кіева) свѣдѣній мы не имѣемъ. И на чемъ основано утвержденіе гр. Уварова (с. 43), будто бы «благочестивое обыкновеніе строить обыденныя церкви для избавленія отъ моровой язвы существовало у насъ *повсемѣстно*», мы не знаемъ.

Равнымъ образомъ, недоказаннымъ мы считаемъ другое утвержденіе нашихъ историковъ, будто бы «обычай строить по обѣту обыденныя церкви для избавленія города или страны отъ того или другого общественнаго бѣдствія — *очень древній*» (Бѣлокуровъ-Федоровъ, с. VI). Какъ видимъ, прямыя наши свидѣтельства восходятъ ко времени не ранѣе самаго конца 14-го вѣка — древность не особенно большая.

Что касается самаго смысла обычая, какъ его понимали наши предки, то онъ явствуетъ изъ этихъ словъ вологодской лѣтописи: «И видѣ Господь вѣру и моленіе рабовъ своихъ и покаяніе слезное о своихъ согрѣшеніяхъ, той великій гнѣвъ Свой на милость преложи и моровую язву утоли: и отъ того дне моръ на Вологдѣ преста» (П. Саввантовъ, цитов. книга, с. 47). Итакъ, постройка обыденнаго храма — проявленіе христіанскаго усердія, благочестивой ревности по Богѣ, тѣ же

1) По послѣднему сообщенію выходитъ, что храмъ построенъ *ночью* (?).

самыя добродѣтели, которыхъ ищутъ благочестивыя жены, жертвующія въ церковь обыденныя полотенца.

Намъ оставалось бы просто согласиться съ этимъ, столь естественнымъ и понятнымъ объясненіемъ, если бы насъ не поражала устойчивость и нѣкоторая даже странность того повода, по которому создались обыденные храмы. Если бы ихъ строили по случаю *всякихъ* общественныхъ бѣдствій, не только по случаю моровыхъ повѣтрій, но также и по случаю голода (такихъ несчастій въ исторіи нашей древней Руси, къ сожалѣнію, слишкомъ много), войны, междоусобій, «небесныхъ знаменій» (появленія кометъ, которыя въ старину считались предвозвѣстниками великихъ бѣдствій) и т. п.,—тогда иного объясненія обычаю было бы даже трудно подыскать. Но разъ такимъ поводомъ служили лишь эпидеміи, т. е. тѣ же самые случаи, при которыхъ и теперь бѣлорусскія женщины ткутъ обыденныя же полотенца, то дѣло не представляется изслѣдователю столь простымъ.

Почему обыденныя полотенца ткутся только въ случаяхъ моровыхъ повѣтрій, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы уже имѣемъ: такимъ полотенцамъ народное міровоззрѣніе приписываетъ силу отвращать нечисть, а дѣйствіемъ этой послѣдней изъ общественныхъ бѣдствій народъ объясняетъ только эпидеміи; ни война, ни голодъ дѣйствію нечистой силы не приписываются. Но даже и при всемъ этомъ обычай обыденныхъ полотенецъ, сдѣлавшись чисто христіанскимъ, отрѣшился отъ прежней своей связи съ эпидеміями. Напротивъ, обыденные храмы, обычай, такъ сказать, сугубо христіанскій, эту странную связь сохранили.

На основаніи этого обстоятельства мы находимъ возможнымъ высказать предположеніе, что обычай постройки обыденныхъ храмовъ возникъ по аналогіи съ разсмотрѣннымъ нами выше обрядомъ обыденныхъ полотенецъ. Съ психологической точки зрѣнія загадочно только возникновеніе самой идеи «обыденности»: разъ эта идея возникла въ умѣ человека, то она можетъ быть примѣнена къ чему угодно. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ созданія въ Вологдѣ обыденной церкви, 23 октября 1654 г. мѣстный иконописецъ написалъ для новой церкви *въ одинъ день* икону Всемилостивѣйшаго Спаса (Гр. Уваровъ, цитов. статья, с. 46).

Аналогію современныхъ бѣлорусскихъ обыденныхъ полотенецъ съ древнерусскими обыденными храмами признаютъ и наши духовные авторы. Такъ, архимандритъ Николай пишетъ: «Обычай, во время засухи или продолжительной непогоды и другихъ несчастій, приносить въ церковь кусокъ холста, спряденнаго и сотканнаго въ одинъ день, который потому и называется «абудѣннымъ», . . . этотъ обычай указываетъ на кровное и духовное родство жителей Милоской епархіи съ другими русскими племенами, у которыхъ былъ древній обычай, въ несчастныхъ обстоятельствахъ, строить обыденные храмы Божіи, остатки которыхъ донинѣ существуютъ въ г. Новгородѣ» (Историко-статистическое описаніе Милоской епархіи. Сиб. 1864, с. 310).

Если бѣлоруссы видѣли и видятъ спасающій отъ моровыхъ повѣтрій талисманъ въ обыденномъ полотенцѣ, висащемъ, положимъ, на крестѣ около деревни, то тѣмъ естественнѣе могли видѣть наши предки подобный же талисманъ въ обыденномъ храмѣ. Последний заключаетъ въ себѣ, если позволено будетъ такъ выразиться, гораздо больше святости, нежели первое. Тѣ же мотивы, которые нѣкогда привели бѣлоруссовъ къ обряду тканья обыденныхъ полотенецъ, могли быть и въ умахъ тѣхъ русскихъ, которые стали впервые строить обыденные храмы. Мотивы эти, повторимъ кратко, слѣдующіе: безусловная чистота, необычайность и таинственность обыденныхъ предметовъ; а такъ какъ дѣло проходило уже въ христіанское время (объ обыденныхъ языческихъ капищахъ у русскихъ у насъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній нѣтъ, а предполагать ихъ существованіе мы не имѣемъ ни основанія, ни надобности), то къ нимъ нужно прибавить и даже поставить на первое мѣсто — благочестивое христіанское усердіе.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя поясненія. Относительно «безусловной чистоты» намъ могутъ возразить, что храмъ Божій и безъ того, безъ всякой «обыденности» чистъ и святъ. На это замѣтимъ: храмъ чистъ и святъ только уже послѣ его освященія; до этого времени онъ почти ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ зданій, а значитъ и можетъ быть легко оскверненъ нечистою сплюю. Напомнимъ, что и освященный храмъ можетъ быть оскверненъ, напримѣръ, входомъ въ него собаки, послѣ чего онъ требуетъ новаго освященія. Мало того, по народному воззрѣнію, даже и къ освященному храму и даже во время богослуженія чортъ близокъ. Проф. Довнаръ-Запольскій приводитъ слѣдующее бѣлорусское повѣрье: «въ церкви чортъ сидитъ на окнѣ и записываетъ смѣющихся и разговаривающихъ; записи ведутся на воловьей шкурѣ» (М. В. Довнаръ-Запольскій, Исслѣдованія и статьи, т. I, с. 284).

Отъ всѣхъ этихъ возможностей (кромя, правда, последней, которую допускаютъ, мы думаемъ, только въ немногихъ мѣстностяхъ) обыденный храмъ гарантированъ: нечистая сила не можетъ заглянуть въ него даже во время постройки, длящейся столь непродолжительное время и непрерывающейся ни на одну минуту; такимъ образомъ, внутренность обыденнаго храма остается совершенно невѣдомою нечистой силѣ, тогда какъ внутренность обычныхъ храмовъ обыкновенно доступна ей во время постройки, вплоть до освященія. Мы думаемъ, что это соображеніе не было чуждо многимъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые строили нѣкогда обыденные храмы.

Почему обыденные храмы мы считаемъ болѣе поздними по сравненію съ обыденными полотенцами, — отвѣтъ на этотъ вопросъ уже ясенъ изъ предъидущаго. Объ обыденныхъ *языческихъ* храмахъ мы рѣшительно ничего не знаемъ, тогда какъ нѣкоторые варианты обряда обыденныхъ полотенецъ носятъ на себѣ всѣ черты чисто языческаго міровоззрѣнія.